

А. А. Попов

Бактрия в греческой литературе классической эпохи

Статья посвящена появлению и развитию знаний греков о Бактрии в литературе классического периода (V–IV вв. до н. э.). Наиболее значительные сведения о Бактрии передают нам Геродот, Ктесий и Ксенофонт. «Персидская история», наиболее значительный труд Ктесия при изучении древней Бактрии, не сохранился. Важными источниками по исследованию этой работы Ктесия являются сочинения Диодора Сицилийского и патриарха Фотия. Еще до Восточного похода Александра эллины имели представления о географии Бактрии, ее населении, военном и экономическом потенциале, наиболее крупных городах, ее значении в составе империи Ахеменидов. Эти данные позволяли грамотно оценить перспективы во время покорения бактрийских земель македонским царем Александром, например, стратегическое расположение Бактрии в рамках его обширной империи. Начиная с Геродота, ряд античных литераторов формирует критическое отношение к азиатской государственности. С другой стороны, Ктесий развивает более компромиссные идеи, направленные на сотрудничество с «варварским» Востоком. При этом Бактрия и бактрийцы становятся фоном для продвижения всех этих идеологий.

Ключевые слова: классическая эпоха, Бактрия, Ахемениды, Геродот, Ктесий, Ксенофонт

Artem A. Popov

Bactria in the Greek literature of the Classical epoch

The article is dedicated to the appearance and the development of the Greeks' knowledge about Bactria in the literature of the Classical epoch (V–IV centuries BC). Herodotus, Ctesias, Xenophon give us the most important information about Bactria. Ctesias' «The Persian History» as the most significant work studying Ancient Bactria does not remain. The works by Diodorus of Sicily and Patriarch Photius are the main research on Ctesias' work. Much more before the Eastern Campaign of Alexander, the Hellenes had the information about Bactria geography, its population, military forces and economic potential, the largest cities and their role in the Achaemenid Empire. Such information competently allowed to assess the perspectives during Alexander's conquering of the Bactrian territories, for example, the strategic location of Bactria in his wide Empire. Beginning from Herodotus, some classical authors have formed the critical view about the Asiatic statehood. On the other side Ctesias promoted the compromise ideas, directing to cooperation with the «barbarian» East. In the same time Bactria and Bactrians became the background to advance all these ideologies.

Keywords: Classical epoch, Bactria, the Achaemenids, Herodotus, Ctesias, Xenophon

DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-106-111

Еще до Восточного похода греко-македонских войск Бактрия и ее жители были предметом, которому уделялось внимание в античной литературе. Ее культурные и географические реалии интересовали классических авторов. Уже Скилак Кариандийский в VI в. до н. э. через бактрийские земли отправился в долину Инда и покорил ее вместе с войсками персидского царя Дария I. Свое путешествие по Индостану и Аравийскому морю он описал в сочинении, которое не дошло до нас. Геродот (V в. до н. э.) скупко рассказывает нам о грандиозном предприятии, организованном Дарием, целью которого было выявить для царя, «где Инд впадает в море» [1, с. 198]. На кораблях участники похода отправились по реке Кабул «из города Каспатира и Пактийской земли».

Время греко-персидских войн (V в. до н. э.) стало важным этапом в расширении знаний эл-

линов о Бактрии как составляющей империи Ахеменидов. Например, Эсхил упоминает в «Персах» о бактрийском герое Тенагоне и полководце Артабе Бактрийце, погибших в 480 г. до н. э. в Саламинской битве [2, с. 26].

«История» Геродота содержит весьма значительную информацию о Бактрии времени Ахеменидов. Его сведения косвенно дают информацию о покорении Бактрии со стороны Кира II и экспедиции Скилака в царствование Дария I. У Геродота бактрийцы выступают в качестве подданных персидских царей, которые уплачивают дань и выставляют им воинские контингенты. Автор передает сведения о богатстве Бактрии и долины Амударьи, описывая «округа» (сатрапии) империи Ахеменидов. Он отмечает, что народы «от бактрийцев до эглов», составлявшие XII сатрапию, должны были поставлять персидскому царю 300 талантов [1, с. 168].

Геродот описывает бактрийцев в армии Ксеркса во время вторжения в Европу (480 г. до н. э.). Они имели в качестве вооружения туземные (бактрийские) луки, сделанные из тростника, и короткие копья. При этом они вместе со скифами-саками входили в один корпус под командованием одного из самых знатных Ахеменидов – Гистаспа, сына Дария I и Атоссы, дочери Кира II [1, с. 332–333]. Последнее обстоятельство говорит о том, что бактрийские контингенты являлись одними из привилегированных и боеспособных в персидской армии.

Один из важнейших идеологических лейтмотивов античности и объяснений превосходства эллинов над другими народами, особенно азиатскими, встречается у Геродота при описании отдаленных провинций державы Ахеменидов. Он постулирует, что окраины обитаемого мира волей судеб щедро наделены «самыми редкими и самыми драгоценными» дарами природы. При этом Эллада имеет «самый умеренный» климат [1, с. 171]. Эти идеи были развиты Аристотелем и попали на весьма благодатную почву.

Ктесий, служивший персидским царям, в «Персидской истории» дает нам внушительным рассказ о походе Нина в Бактрию. Часто в весьма авторитетной научной литературе вопрос о Древнебактрийском царстве остается дискуссионным [3, с. 21].

При этом существует в античной литературе устойчивая традиция описания Бактрийского похода ассирийского царя Нина с участием в этом предприятии Семирамиды. Имена этих легендарных восточных правителей всегда связаны с мифологизацией истории. Поэтому скептическое отношение к реалиям этого похода со стороны ученых очевидно.

Это произведение Ктесия дошло до нас фрагментарно. Например, его сведения передает Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) в «Исторической библиотеке», заимствуя из «Персидской истории» [4, р. 352–353]. При этом отзывы о творчестве Ктесия со стороны его коллег и других литераторов не являются комплементарными [5, с. 23].

Время жизни Нина относится к эпохе бронзового века.

Диодор, опираясь на данные Ктесия, описывает Бактрию как страну весьма многолюдную [4, р. 362–363], с крупным городом Бактры [4, р. 364–367], в которой Нин захватил многочисленные сокровища, состоящие из множества серебра и золота [4, р. 370–371].

Возможно, что подобные представления Ктесия основывались на современных ему реалиях. После него в литературной традиции древности и средневековья укоренилось мнение о

когда-то существовавшей богатой стране с богатыми городами, имеющей сказочные богатства еще задолго до V–IV вв. до н. э.

Археологические находки цивилизации бронзового века в долине Амударьи могут служить материальным подтверждением богатства Бактрии, описанной в литературе античного мира, в которой содержались заимствования ктесиевского рассказа о «Бактрийском походе Нина». В III–II тысячелетиях до н. э. в Центральной Азии существовала цивилизация, которая представлена археологическими комплексами культур Маргианы (долина Мургаба) и Бактрии (долина Средней Амударьи) [6, с. 74]. Они существовали синхронно с Индской (Хараппской) и Шумеро-Вавилонской цивилизациями. Предметы, найденные в поселениях, говорят о контактах этого региона с Индией и Месопотамией [6, с. 68–73; 7, с. 32–33; 8, с. 90–91].

Постепенно стал складываться Великий индийский путь, который стал процветать в ахеменидское и эллинистическое время. Взяв начало в истоках эпохи палеометалла, он постепенно превратился в мощный экономический поток и стал значительным фактором консолидации бактрийских территорий в единую общность. Большую роль играло судоходство на Амударье и Сырдарье, которые были более широкими, полноводными и глубокими в отличие от сегодняшнего дня [7, с. 40–45].

Долина древнего Окса (Амударьи) играла большую роль и для военной стратегии, так как служила многим завоевателям плацдармом для вторжения не только в глубины Восточного Ирана, но и на Индостан.

Железный век в Бактрии произвел значительные изменения не только в материальной культуре, но и в политическом смысле. В I тысячелетии до н. э. огромную роль в международной торговле стали играть Бактры, самый значительный бактрийский город.

Интересно, что описываемые события были помещены Ктесием в бронзовый век (III или II тысячелетие до н. э.), а реалии, которые он изложил о Бактрии, относятся к различным этапам железного века (I тысячелетие до н. э.). «Персидская история» содержит не только описание современной Ктесию Бактрии, но и тех сведений, которые относятся к ее недавнему прошлому. Эта сложившаяся картина напоминает калейдоскоп, который мы наблюдаем в поэмах Гомера. Он сочетает в себе реальность разных эпох. При пристальном рассмотрении и «Илиады», и «Одиссеи» ярко звучит знаменитый гомеровский вопрос при описании культурных явлений трех периодов: микенского, гомеровского и архаического.

В правление персидского царя Кира II (560/559–530 гг. до н. э.) Бактрия становится частью Персидской империи. Наличие значительного числа письменных источников как иранского происхождения, так и греческого позволяет говорить о более достоверной реконструкции культурных реалий этого региона той эпохи.

На тему войны Кира с массагетами, кочевниками скифского происхождения, присутствует рассказ Геродота [1, с. 75–79]. Известно, что в этот момент Бактрия входила в состав империи Кира. В этом походе Кир погиб. Сама же кампания против этих кочевников должна была обеспечить безопасность северных границ от воинственных племен во время предполагаемой экспедиции в Египет. В этой связи можно говорить, что Бактрия была присоединена не позже 530 г. до н. э.

Сведения о точном времени покорения Киrom бактрийских территорий в античной литературной традиции противоречивы.

Например, Геродот говорил, что «препятствием» для господства Кира на Востоке были «и Вавилон, и бактрийский народ, и саки, и египтяне» [1, с. 60]. Если принять во внимание важность последовательности перечисления этих государств и народов, получается, что Бактрия была подчинена после вавилонян, которые стали его подданными в 539 г. до н. э.

Позже Ксенофонт (V–IV вв. до н. э.) в «Киропедии» отметил, что Кир «покорил» Вавилонию, а над Бактрией «царствовал» [9, с. 6]. При описании приговоров Кира перед войной с вавилонянами Ксенофонт рассказывает о переговорах ассирийского царя «с царем бактрийцев», что может служить свидетельством о независимости Бактрии перед покорением Вавилона Киrom [9, с. 105].

Ктесий, современник Ксенофонта, в своей «Персидской истории» указывает, что бактрийцы были подчинены Киrom еще до лидийцев [10, р. 93]. Таким образом, это произошло до 547 г. до н. э.

Беросс (IV–III вв. до н. э.), вавилонский историк эллинистического времени, писал в III книге своей «Вавилонской (Халдейской) истории», что покорение Вавилона состоялось после подчинения «всей остальной Азии» [11, р. 508].

В дальнейшем на то же косвенно указывает Помпей Трог. По его мнению, после покорения мидян бывшие их «подданные» стали независимы от Кира, что стало причиной многочисленных войн. «Большинство» из них было покорено перед войной с Вавилоном [12, с. 44]. Поход же против массагетов он предпринял, «покорив Азию и подчинив своей власти весь Восток» [12, с. 45].

В Бехистунской надписи персидский царь Дарий I (522–486 гг. до н. э.) указывает Бактрию, как одну из подвластных ему стран [13, с. 33]. В одном из параграфов говорится о бактрийском сатрапе, персе Додарсе, который усмирив восстание в соседней Маргиане [13, с. 33]. Таким образом, доставшаяся по наследству Дарию бактрийская земля стала важным форпостом на севере империи Ахеменидов для обеспечения безопасности в соседних провинциях.

Ктесий очень интересен и важен для рассмотрения развития представлений греков о Востоке, в частности, о Бактрии. В своей «Персидской истории» он выступает критиком Геродота, называя его «лжецом во множестве вещей и автором басен», и, кроме этого, он «не соглашался с Ксенофонтом, сыном Грилла» [10, р. 92]. Эти сведения, дошедшие до нас из «Библиотеки» патриарха Фотия (IX в. н. э.), показывают, что кроме традиционного эллинского взгляда на историю Азии существовала альтернативная точка зрения.

В начале своего масштабного сочинения о Персии Ктесий рассказывает, как было показано выше, о легендарной истории Ассирии. Фотий отмечает, что первые шесть книг «Персидской истории» были посвящены Ассирийской державе и тому, что было «прежде» Персидского государства, «однако с седьмой книги» Ктесий излагает непосредственно персидскую историю [10, р. 92]. Ктесий сделал акцент на ассирийской истории в начале своего труда, демонстрируя преемственность двух мировых держав, гегемонов над многими азиатскими народами и даже египтянами.

«Персидская история» Ктесия, по мнению некоторых ученых, близка к историческому роману. При этом таковой она не является, так как ее автор претендует на достоверность своих данных, противопоставляя свою информацию сведениям других авторов. Этот античный автор, часто критически оцениваемый другими литераторами, был весьма популярен из-за своей интересной биографии и, конечно, благодаря своим литературным трудам. Например, Ксенофонт, будучи его современником, знал о нем, о его работах и упоминал об этом в своих сочинениях [5, с. 24].

Ксенофонт сражался в рядах войска Кира Младшего, персидского царевича, который при поддержке греческих наемников хотел свергнуть своего брата Артаксеркса II. В битве при Кунаксе (401 г. до н. э.) Кир Младший погиб. Ксенофонт, участник этого сражения, рассказывал об этих событиях. Ктесий также был очевидцем битвы, но находился в рядах Артаксеркса II, будучи его врачом, и даже лечил рану царя, полу-

ченную в результате боя с братом [14, с. 34]. Не только в жизни Ксенофонт и Ктесий находились по разные стороны баррикад, но, по-видимому, их политические взгляды расходились в ключевых вопросах и трактовках событий.

В «Киропедии» и других произведениях Ксенофонт демонстрирует идеи, которые становятся «провозвестниками эллинизма» [15, с. 253]. В этом произведении он рисует новый вид государства, созданное персидским царем Киrom II из «своего рода соединения полиса и империи» [15, с. 261]. Этой конструкцией классик предвосхищает свершения Александра Великого.

Даже способ создания этой формы державы показателен сам по себе. Выбран путь завоевания, когда народ-воин, обладающий высшей доблестью, завоевывает другие, более слабые нации. Так, строится миропорядок, основанный на порабощении богатых и многолюдных стран Востока, но не способных защитить себя в военном отношении. Здесь факт покорения трактуется в виде правового фундамента для господства одних над другими [15, с. 261]. Роль сильной личности, способной создать новое общество под руководством просвещенного правителя, обладающего покровительством богов и блестящими качествами, является решающей. За основу же берется спартанское общество, в котором существуют сословие покоренных рабов-илотов и каста победителей, господ-спартиатов [15, с. 261–262].

Расцвет творчества Ктесия и Ксенофонта – первая половина IV в. до н. э., период кризисных явлений в общественной жизни многих полисов Эллады. Во второй половине IV в. до н. э. были созданы новые культурные формы, началась эпоха эллинизма с приходом на македонский престол сильной личности, просвещенного монарха Александра III Великого.

В «Персидской истории» Ктесия содержится романтизированный рассказ о Таниоксарке, сыне Кира II и младшем брате Камбиса II. В других источниках этот царевич называется «Бардия» или «Смердис».

В конце одиннадцатой книги Ктесий рассказывает, что Кир перед смертью назвал своим преемником на престоле своего старшего сына Камбиса, а младшего сына Таниоксарка назначил «деспотом» (правителем) Бактрии, Хорамнии, Парфии и Кармании, освобождая от налогов эти земли [10, р. 94]. Таким образом, один из первых бактрийских наместников относился к династии Ахеменидов и находился в привилегированном положении.

В двенадцатой книге «Персидской истории» Ктесий рисует нам картину, заслуживающую внимания любого трагика и изложенную до него Ге-

родотом. Античная традиция сохранила рассказ об убийстве Таниоксарка (Бардии или Смердиса), которого умертвили по приказу старшего брата, ставшего царем после смерти их отца [1, с. 147–148; 10, р. 94–95]. В дальнейшем это обстоятельство после внезапной кончины Камбиса II приводит к власти мага-самозванца, который выдает себя за брата умершего монарха, так как до этого царь-братоубийца способствовал сокрытию своего злодеяния. В результате этих обстоятельств власть Ахеменидов пошатнулась. Дарий, сын Гистаспа, возвращает династии прежнее положение и подавляет все восстания против Ахеменидов. Знаменитый памятник персидской эпиграфики Бехистунская надпись, казалось бы, подтверждает подлинность античных литературных свидетельств. Однако эта романтическая история в стиле классической трагедии с позиции критика может выглядеть иначе. Уже в античности были сторонники того, что именно Дарий I впоследствии придумал весь этот роман о братоубийстве. В то же время, как он сам и был подлинным убийцей младшего сына Кира II. М. А. Дандамаев на основе этих источников и остальных сообщений античных литераторов красноречиво выражает сомнение в правильности информации о судьбе Таниоксарка, изложенной Ктесием, признавая за этим античным автором большую осведомленность в отношении официальной персидской позиции по данному вопросу [3, с. 64–71]. Бехистунская надпись, по мнению ученого, «тенденциозна» в освещении событий, связанных с воцарением Дария I [3, с. 70].

Ктесий говорит, что после смерти Ксеркса против Артаксеркса I, правившего с 465 г. до н. э., выступили бактрийцы во главе со своим сатрапом Артапаном. В первом столкновении персидскому царю не удалось достичь полного успеха и лишь после второго сражения ему удалось покорить всю Бактрию [10, р. 101]. Существует мнение, основанное на данных Диодора Сицилийского [16, р. 304–305], что предводителем восстания в Бактрии был Гистасп (Виштасп), сын Ксеркса и брат Артаксеркса [3, с. 177]. Основываясь на этих свидетельствах античных авторов, можно говорить о восстании в Бактрии во время борьбы за власть между сыновьями-наследниками Ксеркса.

Античные авторы времени Ахеменидов дают нам основные сведения о Бактрии до времени Александра Великого и его похода в центральноазиатские пределы. Она изображается, как провинция Персидской империи, где часто правят «принцы крови». При этом цари решали для себя двойную задачу: осуществление контроля над столь значимой территорией и удаление

подальше от имперских столиц возможных претендентов на престол. Бактрия и соседняя Согдиана поставляли очень боеспособные войска, которые часто являлись значительными конными отрядами. Со стороны местной знати была явная заинтересованность в поддержке мятежных царевичей из Ахеменидов. Местная элита в этих обстоятельствах или вынашивала планы о более привилегированном положении в империи, или о государственной независимости Верхних сатрапий. Это позволило бы, например, избавиться от уплаты налогов персидским царям. Усугублялась ситуация самим географическим положением Бактрии. Эта территория была центральной магистралью международного обмена между Индостаном, с одной стороны, и Западным Ираном, Закавказьем, Восточным Средиземноморьем, с другой стороны. В случае независимого положения средства от нее полностью оставались в стране. К тому же удаленность от столичных центров сохраняла у бактрийцев и их соседей в Восточном Иране строгость нравов и постоянную готовность к отпору соседей с севера, воинственных скифских кочевых племен. В этой связи Бактрия обладала постоянными значительными вооруженными силами, которые состояли из большого количества всадников, способных отразить вторжение номадов.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод об особом положении Бактрии и ее наместников в истории Персидской империи, а также важности изложения этих реалий в античной литературе. Сама же античная литературная традиция, касающаяся Бактрии в составе империи Ахеменидов, развивается в VI–IV вв. до н. э., имея две тенденции. В одном случае Бактрия и бактрийцы становятся фоном для продвижения антагонистических идей, направленных против персидской государственности. Во втором случае при рассмотрении Бактрии в составе государства Ахеменидов проводятся более компромиссные идеи, направленные на сотрудничество с «варварской» азиатско-африканской империей. Эти тенденции не могли ускользнуть от идеологов IV в. до н. э., которые повлияли на идеи Александра, сокрушившего и присоединившего персидское могущество над странами Востока.

Крайне важными являются сведения о Бактрии, близлежащих землях и народах, которые написаны в античной литературе еще до походов Александра Великого. Эти данные позволяли оценить перспективы во время покорения этих территорий со стороны греко-македонских войск. Актуальным становилось понимание географических и этнокультурных особенностей, как первичной разведывательной информации, для правильной оценки военного и продоволь-

ственного потенциала страны, стратегического расположения в рамках обширной империи, возможности использовать сложившуюся веками политическую конъюнктуру. Впоследствии именно политика культурного компромисса стала для македонского царя наиболее эффективной, что позволило ему присоединить Бактрию. Это было возможно только при переходе от беспочвенных теоретизирований к реальной политической практике, от взглядов, сформированных часто на основе изысканий *in vitro*, к действиям *in vivo*.

В мировой истории часто огромной трагедией становилась безграмотная оценка обстановки в Центральной Азии. Это приводило, как и в случае с началом похода греков и македонян, к огромным жертвам со стороны местного населения и иноземцев, пытавшихся поставить под контроль этот регион. Такая политика даже влияла на обстановку внутри государств, которые хотели навязать свою волю народам Восточного Ирана. Например, максимальный накал борьбы Александра Великого с оппозицией пришелся именно во время его похода в бактрийские и согдийские пределы.

Список литературы

1. Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М.: Ладомир, 1993. 600 с.
2. Эсхил. Трагедии / пер. В. Иванова; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989. 592 с.
3. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.
4. Diodorus of Sicily. The Library of History: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1946. Vol. I, bks I–II, 1–34. 498 p.
5. Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петерб. лингвист. о-во, 2013. 736 с.
6. Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 384 с.
7. Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
8. Сарияниди В. И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Туркм. гос. изд. служба, 2009. 342 с.
9. Ксенофонт. Киропедия / пер., ст., прим. В. Г. Бороховича, Э. Д. Фролова; отв. ред. С. Л. Утченко. Москва: Ладомир; Наука, 1993. 335 с.
10. Photius. The Library / transl. by J. H. Freese. London: Soc. for Promoting Christian Knowledge; New York: Macmillan Co, 1920. Vol. 1. XIV, 244 p.
11. Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Muellerus. Parisiis: Didot, 1848. Vol. 2. 631 p.
12. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинений Помпея Тропа «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконского,

М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вступ. ст. К. К. Зельина. СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 493 с.

13. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.): хрестоматия / под ред. А. В. Баженова. Ташкент: Гос. изд-во науч.-техн. и соц.-экон. лит. УзССР, 1940. 172 с.

14. Ксенофонт. Анабасис / пер., ст., примеч. М. И. Максимовой; под ред. И. И. Толстого. М.: Ладомир, 1994. 304 с.

15. Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия. М.: Ладомир; Наука, 1993. С. 244–267.

16. Diodorus of Sicily. The Library of history: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1956. Vol. IV, bks IX–XII, 40. 480 p.

References

1. Herodotus; Stratanovskii G. A. (transl.). Histories: in 9 vol. 2nd ed. M.: Ladamir, 1993. 600 (in Russ.).

2. Aeschylus; Ivanov V. (transl.); Balashov N. I. (ed.). Tragedies. M.: Nauka, 1989. 592 (in Russ.).

3. Dandamaev M. A. Political history of the Achaemenid Empire. M.: Nauka, 1985. 319 (in Russ.).

4. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). The Library of history: in 10 vols. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1946. I, bks I–II, 1–34, 498.

5. Pyankov I. V. Central Asia and the Eurasian Steppe in the Ancient times. SPb.: Petersburg Linguistic Soc., 2013. 736 (in Russ.).

6. Masson V. M. Culture Genesis of Ancient Central Asia. SPb.: Saint-Petersburg Univ. Press, 2006. 384 (in Russ.).

7. Rtveladze E. V. The Great Indian Road: from the history of the most important trade routes of Eurasia. SPb.: Nestor-Historia, 2012. 296 (in Russ.).

8. Sarianidi V. I. Margush. The secret and the truth of the great culture. Ashgabat: Turkmen State publ. service, 2009. 342 (in Russ.).

9. Xenophon; Borukhovich V. G. (transl., introd., commet.), Frolov E. D. (transl., introd., commet.); Utchenko S. L. (ed.). The Cyropaedia. M.: Ladamir: Nauka, 1993. 335 (in Russ.).

10. Photius; Freese J. H. (transl.). The Library. London: Soc. for Promoting Christian Knowledge; New York: Macmillan Co, 1920. 1, XIV, 244.

11. Muellerus C. (ed.). Fragmenta Historicorum Graecorum. Parisii: Didot, 1848. 2, 631.

12. Justinus Marcus Junianus; Dekonskii A. A. (transl.), Rizhskii M. I. (transl.); Grabar-Passek M. E. (ed.); Verzhbitskii K. V. (comment.), Kholod M. M. (comment.); Zel'in K. K. (introd.). The Epitome «Historiae Philippicae» by Pompeius Trogus. SPb.: Saint Petersburg State Univ. press, 2005. 493 (in Russ.).

13. Bazhenov A. V. (ed.). The ancient authors about Central Asia (VI century BC – III century AD): reader. Tashkent: The State sci.-technic and social-economic lit. of Uzbek SSR press, 1940. 172 (in Russ.).

14. Xenophon; Maksimova M. I. (transl., introd., commet.); Tolstoy I. I. (ed.). The Anabasis. M.: Ladamir, 1994. 304 (in Russ.).

15. Frolov E. D. Xenophon and his «The Cyropaedia». Xenophon. The Cyropaedia. M.: Ladamir: Nauka, 1993. 244–267 (in Russ.).

16. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). The Library of history: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1956. IV, bks IX–XII, 40, 480.